

УДК 81'367.622.12

Конобеева И.И.

Московский государственный педагогический университет

**КОННОТАЦИИ ПОЛУАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ
МЕССИИ И ИХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НОВОГО ЗАВЕТА)**

I. Konobeeva

Moscow Pedagogical State University

**CONNOTATIONS OF FORMS OF SEMANTIC-FUNCTIONAL TRANSPOSITION
OF ANTHROPONYMS AND THEIR COGNITIVE POTENTIAL**

Аннотация. Анализ материала в рамках теории «оппозиционного замещения» показал, что имплицитующие расщепление образа референта полуантропонимические коннотации обладают потенциалом, который позволяет выражать как личностное восприятие носителя имени в разные моменты его существования, так и связанную с определённым сопереживанием оценку всего другого, иного, «не-Я». Особое место в этом смысле занимают полуантропонимы с сохранённым признаком антропоосновы. Возникающие у них коннотации могут быть соотнесены в процессе кластеризации не с категорией «человек», а с категорией признака антропоосновы. В результате подобной рефлексии реализуется возможность семантической идентификации носителя имени по иному основанию и, как следствие, формирования нового знания.

Ключевые слова: полуантропонимы, коннотации, познавательный потенциал, признак антропоосновы, кластеризация, идентификация по иному основанию.

Abstract. The analysis within the theory of the «oppositional substitution» has shown that these connotations implying multiplication of the referent's image, have the potential, which allows to express personal comprehension of the name-bearer at different stages of his existence, as well as evaluation of the other («not-me»), associated with a certain empathy. In this sense, the complicated forms of semantic-functional transposition occupy a special place. Their connotations in the process of clustering may be coordinated not with the category of «human being» but with the category of anthroponomical basis feature. As a result of such reflection, the possibility of semantic identification of name's carrier on another basis is realized, and hence the formation of new knowledge.

Key words: semantic-functional transposition, connotations, cognitive potential, anthroponomical basis feature, clustering, identification on another basis.

В данной статье в рамках теории «оппозиционного замещения», разработанной М.Я. Блохом и Т.Н. Семёновой, рассматривается познавательный потенциал коннотаций полуантропонимических номинаций, в семантике которых нарицательное значение антропоосновы ещё не утрачено. Под *коннотациями*, следуя М.Я. Блоху, мы понимаем созначения или вторичную информацию, воспринимаемую как пучок релевантных для определённого социума психологических ассоциаций, которые, распространяясь по всему тексту, создают эффект подтекста [1, 54; 6, 232]. Мы полагаем, что за счёт коннотаций, возникающих в определённых контекстуальных условиях у полуантропонимов с сохранённым признаком антропоосновы, реализуется возможность семантической идентификации носителя имени по иному основанию и, как следствие, формирования специального знания.

Следует сказать, что в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания, нацеленной на изучение специфики представления знаний в языке [9, 40], отдельное

место занимают исследования антропонимов как особых единиц текста, связанных не только с оперированием, но также с формированием и содержанием знаний особого рода (М.Я. Блох, Т.Н. Семёнова, Т.М. Николаева, И.А. Сёмина, А.С. Щербак, И.Ю. Безукладова, Е.Н. Флауэр, М.-Н. Gary-Prieur, J.M. Gouvard, D. Moeurel). Текстовая антропонимика, включаясь в целом в лингвистические методы изучения «неочевидных смыслов» текста, рассматривается как самостоятельная ветвь языкознания [8, 15]. Подобное положение связано с тем, что *антропонимы* (собственные по отношению к лицу имени), обладая своеобразным семантическим строением, способны при функционировании в тексте существенно пополнять своё «информационное досье» различными контекстуальными смыслами и выступать, таким образом, базой процесса познания личности личностью. При этом вышеозначенные смыслы, порождаемые антропонимами в рамках целого речевого произведения, имеют определённую специфику, обусловленную вариативностью восприятия и осмысления информации. В современных лингвистических исследованиях подчёркивается, что подобная вариативность зависит не только от собственно языкового семантического фактора (соотнесённости, сочетаемости языковых единиц), но и от объёма разделяемых адресантом и адресатом знаний, к которым относят индивидуальные социальные свойства, тему речевого произведения, его лингвистическую принадлежность, а также социальную детерминированность коммуникативных целей (М.Я. Блох, А.Н. Антышев, О.Д. Волчек, А.Ю. Ивлева и др.). Очевидно, что актуализируемые антропонимами контекстуальные смыслы с точки зрения их происхождения и участия в результирующем понимании текста достаточно разнообразны. Для их дифференциации необходимо обратиться к семантическому строению антропонимов.

Наличие отражательной семантики у антропонимов (в узком понимании) позволяет рассматривать их в рамках субстанциональной концепции значения. В парадиг-

матическом плане, согласно исследованиям М.Я. Блоха и Т.М. Семёновой, семантика антропонимов отличается содержательной бедностью и социальной обусловленностью. К *общеязыковым* семам у антропонимов относятся: 1) обязательные классообразующие – а) «человек»; б) «по имени» – и 2) факультативные социально обусловленные («социальные характеристики», «национально-этническая характеристика», «биологический пол»). На уровне речи к актуализированным базовым компонентам значения прирастают дополнительные, определяющие уникальные индивидуализирующие свойства антропонимов, *идиолектные* семы двух видов: а) постоянные (стереотипно детерминированные), отражающие типизированное, устойчивое представление о носителе имени; б) переменные («предикатные»), отражающие ситуативно-связанные представления говорящего о носителе имени [1, 46]. Иными словами, репрезентация носителя имени происходит посредством указания на «целостную совокупность его общих и специфических свойств» [11, 111]. Крупнейший специалист в области теории имени собственного М.-Н. Гари-Приёр, изучая на материале французского языка речевую семантику антропонимов, также делает вывод о наличии у последних не только «смысла» (парадигматического значения), но и «содержания», под которым понимается совокупность определённых свойств референта, актуализируемых антропонимом при его употреблении в речи [15, 39-40]. Подчёркивается, что реализация подобной контекстуальной информации, зависящей исключительно от референта и в этом смысле являющейся однородной, отличает антропонимы от имён нарицательных. Имея «поступательный» характер, она позволяет не только обеспечивать в речевом произведении преемственность состояний носителя имени, но и формировать о нём особое, если рассматривать в рамках интегральной модели значения, «дискурсивное знание» (термин М.-Н. Гари-Приёр [15, 51]). Следует подчеркнуть, что в речевом произведении семантика антропонимов, взятых в узком понимании, в

целом, соответствует семантической организации антропонимов, понимаемых широко, поскольку разница между ними, как указывает А.В. Суперанская [12, 24], не столько лингвистическая, сколь юридическая.

Очевидно, что семантическое строение антропонимов допускает возможность возникновения у них коннотаций, причём как на уровне языка, так и на уровне речи. На уровне языка антропонимические значения выступают как «ассоциативные нормы», или стереотипно детерминированные социумом знания. Зубкова Л.И. указывает, что статус «языковых» приобретают только массово употребляемые, устоявшиеся во времени и воспринимаемые представителями всех слоёв лингвокультурного общества коннотации [5, 65]. К ним относятся коннотации «национально-культурной специфики», «нормативности», «документальности», «разговорности», «архаичности», «популярности», «иноязычности», «церковности» и др. За счёт коннотаций базового уровня антропонимы продуцируют образы, воспринимаемые в обществе как типичные. Например, для французов *Lola* – «брюнетка с карими глазами», *Mohamed* – «араб» (примеры М.-Н. Гари-Приёр [15, 54]). Особенно ярко продуцируют подобные образы антропонимы, в которых нарицательное значение антропоосновы не полностью утрачено. Сохранённый в их базовой семантике признак может иметь общеязыковые коннотации, которые, распространяясь по всему тексту, способны влиять на результирующее понимание личности носителя имени; например: (*Hébr.5:8*) *tout Fils qu'il était, apprit, de ce qu'il souffrit, l'obéissance*. Антропоним *Fils* сохранил в своей базовой семантике сему «сын», которой во франкоговорящем социуме, согласно «Французскому ассоциативному словарю» [3, т. I, 107], в качестве дополнительных соответствуют такие смыслы, как, например, «ребёнок», «любить», «происхождение», создающие в процитированной выше строфе определённый подтекст.

Совершенно очевидно, что все антропонимические коннотации языкового уровня

представляют собой, по сути, ретроспективные смыслы, которые в речевом произведении создают «коммуникативную площадку» [16, 88-89] для понимания определённого подтекста. Так, *Lola* может быть и блондинкой с голубыми глазами, и рыжеволосой с зелёными глазами, а *Mohamed* – как французом, так и африканцем, но при этом сохранять во франкоязычном социуме приобретённые вышеозначенные общеязыковые коннотации. На уровне речи антропонимические значения возникают на базе идиолектно и конситуативно связанных сем и рассматриваются лингвистами [5, 72-73; 15, 55] как «отношения говорящих» через модификацию звукового облика этих языковых единиц, использование вариантов в широком диапазоне оценочных, эмоциональных, экспрессивно-образных, стилистических характеристик, типичных для области их применения. Эти коннотации как прагматически ориентированные смыслы, то есть подчиняющиеся закону «эквивалентности коммуникативной суппозиции», могут носить индивидуальный, групповой и ситуационно обусловленный характер. Итак, антропонимические коннотации – это «непоступательная» по всему характеру и ориентированная на стереотипное в определённом социуме знание контекстуальная информация, которая, разливаясь по тексту, вносит особый вклад в формирование результирующего понимания личности носителя имени.

Анализ речевой семантики антропонимов показывает, что реализация их ономастической функции сопряжена с актуализацией разнообразных по своему познавательному ресурсу контекстуальных смыслов. Этот вывод представляется нам важным, поскольку, согласно теории «оппозиционного замещения», антропонимы в определённых контекстах способны за счёт транспонирующего стяжения лексико-грамматической оппозиции «имя собственное – имя нарицательное» переходить в полуантропонимы, или бифункциональные языковые единицы, обладающие смешанными лексико-грамматическими свойствами [11, 109]. Приобретая функцио-

нальные характеристики своего противочлена (имени нарицательного), но сохраняя при этом в качестве фоновой ономастическую функцию, полуантропонимы получают дополнительные стилистические созначения, имплицитные «расщепление» образа референта. Репрезентация носителя имени происходит не как указание на целостную совокупность его общих и специфических свойств, а как отождествление некоторой его части (то есть образа, релевантного с точки зрения адресанта для определённого момента времени), которая и представляет всё целое. Необходимо отметить, что М.-Н. Гари-Приёр, исследуя на материале французского языка функционирование антропонимов с разнообразными детерминативами, также указывает на процесс мультипликации образа референта и появление при этом различных смысловых оттенков. По мнению М.-Н. Гари-Приёр, артикль в сочетании с антропонимом в определённых контекстах получает не действительное, а анафорическое, то есть отсылающее к предшествующим знаниям референта, значение. В результате детерминированные антропонимические конструкции, с одной стороны, отсылают к первоначальному образу носителя имени, а с другой, нагружаясь различными стилистическими значениями, формируют иной образ носителя имени [15, 104-106]. Например: (*Rom.5:17*) *Si, en effet, par la faute d'un seul, la mort a régné du fait de ce seul homme, combien plus ceux qui reçoivent avec profusion la grâce et le don de la justice régneront-ils dans la vie par le seul Jésus Christ.* В этой строфе полуантропоним *le seul Jésus Christ*, имплицитно соотносясь с носителями имени с праведниками, то есть людьми, от которых исходит благодать и праведность, подчёркнуто эксплицирует идиолектные семы, то есть семы, содержащие определённое, раскрывающее индивидуальные особенности носителя имени и отсылающие к его первоначальному образу, знание. На базе этих сем возникают созначения, которые создают образ носителя имени как «единственного среди праведников, праведность которого не в его жизни и не в исполнении закона, а в его

искупительной смерти на Голгофе». Кроме того, контрастность параллелизма «*par le seul Jésus Christ*» и «*par la faute d'un seul*», усиливая актуальную семантику прилагательного *seul*, позволяет мыслить носителя имени как «единственного человека, искупительная смерть которого принесла в качестве Божьего дара оправдание к жизни всем верующим, всему человечеству, подвергшемуся тирании смерти в результате прегрешения одного человека – Адама». Очевидно, что коннотации полуантропонимов обладают потенциалом, позволяющим выражать личностное восприятие носителя имени в разные моменты его существования, то есть выражать различные ступени познания личности личностью.

Полуантропонимы как маркеры одного из образов носителя имени по характеру знакового расщепления могут быть двух типов: а) соотносящиеся с двумя разными референтами; например: (*1Cor.15:45*) ... *le premier homme, Adam, a été fait âme vivante; le dernier Adam, esprit vivifiant*; б) сохраняющие относительную монореферентность имени; например: (*Éph.1:6*) ... *à la louange de gloire de sa grâce, dont Il nous a gratifiés dans le Bien-aimé.* Экспликаторами вышеозначенной функциональной нагрузки модифицированных антропонимов служат различные детерминативы и контекст. Причём монореферентные полуантропонимы, как указывают авторы теории «опозиционного замещения» [1, 52-59], в зависимости от актуализируемых семантико-синтаксических признаков представляют собой либо «квалификаторы», либо «идентификаторы». Первые (например: *un Christ crucifié, un seul Chef, un seul Homme Nouveau*), интенсивно выражая классифицирующие характеристики носителя имени, устанавливают экспликативную соотносённость с псевдоклассом однотипных референтов и имплицитивную – с подлинным единичным референтом; вторые (например: *le Libérateur, le Premier-né, le Fils*), наоборот, акцентируя индивидуализирующие характеристики носителя имени, реализуют экспликативную подлинную единичную референтную соотносённость на фоне имплицитивной

псевдоклассификационной. Очевидно, что за счёт подобной бифункциональности возникающие у полуантропонимов коннотации позволяют не только мыслить носителя имени в тех или иных временных рамках, но и выражать оценку всего другого, иного, «не-Я», вызывая определённое сопереживание.

Следует сказать, что полуантропонимические номинации, образованные от антропонимов, у которых нарицательное значение антропоосновы ещё не утрачено, существенно расширяют возможности вербализации заложенных в речевом произведении интенций. Значение антропоосновы, сохраняя языковые коннотации и создавая тем самым определённый подтекст, увеличивает познавательную способность вышеозначенных номинаций. Например: (*Éph.2:15*) ... *pour créer en sa personne les deux en un seul Homme Nouveau, faire la paix...* В данной строфе, где речь идёт о создании в Христе, в Его человеческой природе, являющейся общей как для иудея, так и для язычника и принятой ради них обоих, единого по вере человека, употреблена полуантропонимическая конструкция *un seul Homme Nouveau*, в которой прилагательное *nouveau*, ассоциативно связанное в языке со смыслами «изменить, открыть, создать» [4, т. 2, 300], то есть создающее подтекст «некого изменения», в рамках интегральной модели субстанциональной концепции значения антропонимов мыслится как сущностная характеристика носителя имени, или как «сущностное изменение». В результате полуантропоним маркирует образ «единого по вере, нового, однако, не по времени, а по качеству (свободного от греховности и неправды), человека, которого до этого не было в мире». А.П. Лопухин пишет: «Христос в Самом Себе, как родоначальник нового человечества, создал нового человека, устанавливая при этом мирные отношения между иудеями и язычниками и также мир человека с Богом» [13]. Можно сказать, что за счёт осложнённой базовой семантики полуантропонимы вышеозначенного вида обладают значительно большим ресурсом в плане формирования специального знания.

Мы полагаем, что в текстах Нового Завета некоторые полуантропонимы «осложнённого вида» получают возможность семантической идентификации носителя имени по другому основанию и, как следствие, способность формирования совершенного, нового знания. Другими словами, согласно теории «опозиционного замещения», репрезентация носителя имени посредством полуантропонимических номинаций представляет собой отождествление части целого, то есть *неустойчивое* целое [11, 112], у которого дальнейший путь развития не определяется однозначно. Подобная неоднозначность выступает здесь в качестве момента развития. Однако новизна становящейся целостности будет преходящей в случае отсутствия возможности сохранения этой новизны. Авторы вышеозначенной теории подчёркивают, что отождествление части целого происходит за счёт *преимущественного* использования либо базовых, либо идиолектных сем, то есть при сохранении у полуантропонимов в любом из указанных случаев категориальных сем «человек», «по имени». Из сказанного следует, что возникающие, например, у монореферентных полуантропонимов «обычного вида» на базе классообразующих и идиолектных сем разнообразные, как соответствующие, так и не соответствующие контекстуальным ожиданиям вышеозначенной категории, значения демонстрируют темпоральную актуальность создаваемых ими образов только в рамках категории «человек», что свидетельствует о *преходящей* новизне этих образов. Иначе дело обстоит с полуантропонимами «осложнённого вида», у которых сохранённое значение признака антропоосновы может быть связано с иным, нежели категория «человек», стереотипным знанием. Очевидно, что при употреблении таких полуантропонимов «осложнённого вида» возникает проблемная ситуация, требующая от адресата взаимодействия между его прошлым опытом и новой, представленной в тексте в качестве предмета для освоения, ситуацией [2]. С точки зрения когнитологии, в случае взаимодействия объекта

с совершенно новыми объектами или ситуациями, для которых не имеется когнитивных репрезентаций, адресат использует все доступные для идентификации вышеозначенного объекта признаки, позволяющие устанавливать новые ассоциативные связи и формировать новую когнитивную модель [10, 48]. Иными словами, познавательный потенциал коннотаций, возникающих у полуантропонимов «осложнённого вида» при расщеплении образа носителя имени, может быть в процессе кластеризации соотнесён не с категорией «человек», а с категорией признака антропоосновы. В результате подобной рефлексии появляется возможность семантической идентификации по другому основанию. Приведём пример: (*Hébr.10:30 - 10:31*) *Nous connaissons, en effet, celui qui a dit: A moi la vengeance. C'est moi qui rétribueraï. Et encore: Le Seigneur jugera son peuple. Oh! chose effroyable que de tomber aux mains du Dieu vivant!* В процитированных строфах для обозначения Мессии Иисуса Христа употреблена полуантропонимическая атрибутивно-развёрнутая конструкция *du Dieu vivant*, состоящая из монореферентного полуантропонима *le Dieu* с сохранённым признаком антропоосновы «бог» и прилагательного *vivant*, которое приписывает носителю имени качество «быть живым». Полуантропоним, имплицитно псевдоклассификационную соотнесённость носителя имени с живыми людьми, приобретает на базе идиолектных сем коннотации «изменения», «преобразования», «конечности существования в перспективе земной жизни», которые, распространяясь, накладываются на актуализируемый признак антропоосновы, относящийся не к категории «человек», а к категории Божественного. Согласно «Французскому ассоциативному словарю» [4, т. 2, 116], «божественное» – это наиболее стереотипное осмысление «бесконечности». В результате соотнесения вышеозначенных коннотаций со стереотипным знанием сохранённого признака антропоосновы появляется образ «бесконечного преобразования, в результате которого смерть теряет значение «оконечивания», то есть

образ «вечно живого». У Блаженного Феофилакта находим следующее толкование вышеозначенных строф: «...не падайте духом, у вас есть Отмститель и Воздаятель, Который *живет вечно*, Которого ни в каком случае не избегнут оскорбляющие вас. Вы впали в руки тех смертных людей, а они – в руки Бога *вечно живого*, от Которого они не скроются» [14]. Следует также подчеркнуть, что прилагательное *vivant*, как качественный атрибут, а значит, по мнению М. Ноайи [18, 105], входящий в контрастивную систему, при актуализации реализует принцип дуализма, то есть актуализирует контрастивное сознание «всё, что не живое – мёртвое». Иными словами, маркируемый полуантропонимической конструкцией *le Dieu vivant* образ Мессии как «вечно живого» включает и контрастирующие коннотации «всё то, что отделено от Него, является нежизнеспособным, мёртвым». Более явно эти коннотации звучат в следующей строфе: (*Hébr.3:12*) *Prenez garde, frères, qu'il n'y ait peut-être en quelqu'un d'entre vous un coeur mauvais, assez incrédule pour se détacher du Dieu vivant.* В «Толковой Библии» А.П. Лопухина относительно процитированной строфы написано следующее: «...наименованием *живой* дается понять, что отпадение от *этого* Бога равносильно смерти и полной гибели» [13]. Итак, поскольку большая часть нашего знания структурируется и хранится на категориальном уровне, являющимся базовым относительно разнообразных психологических критериев (гештальтного восприятия, способности формировать ментальный образ, двигательного взаимодействия, лёгкости изучения, запоминания и использования) [7, 84-85], то любые изменения на этом уровне свидетельствуют о *непреходящей* новизне становящейся целостности, то есть о формировании совершенно нового знания.

Исходя из всего изложенного выше, мы полагаем, что в новозаветных текстах познавательный потенциал коннотаций, возникающих в определённых контекстах у полуантропонимов с осложнённой базовой семантикой, позволяет не только преодо-

левать разрыв между сложными образами религиозной действительности и познавательными возможностями человека, но и выражать сложную концепцию христианского Мессии, связанную с осмыслением его как Богочеловека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блох М.Я., Семёнова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М.: Готика, 2001. 194 с.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. 2001. 761 с. [Электронный ресурс] // РГИУ [сайт]. [2000-2011]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bogin_obretenie/ (дата обращения 30.07.2011).
3. Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Новосибирск: НГУ, 2010. 227 с.
4. Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Новосибирск: НГУ, 2010. 455 с.
5. Зубкова Л.И. Своеобразие и типы антропонимической коннотации // Филол. науки. М., 2009. № 1. С. 65-73.
6. Ивлева А.Ю. Коннотативный аспект значения английских антропонимов // Новые подходы в гуманитарных исследованиях. Вып. 6. Саранск, 2006. С. 232-235.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга I: Разум вне машины / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
8. Николаева Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» // Вопр. языкознания. № 3. М., 2009. С. 3-18.
9. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН: ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. М., 2008. 184 с.
10. Сазонова Т.Ю. Внутренний когнитивный контекст идентификации слова // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования / Ред. А.А. Залевская. Тверь: Изд-во ТГУ, 1998. С. 44-50.
11. Семёнова Т.Н. Антропонимическая индивидуализация: диалектика целого и части // Язык, литература и культура на рубеже XX-XXI веков. Уфа, 2008. С. 101-119.
12. Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 206 с.
13. Толковая Библия, или комментарии на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Под ред. А.П. Лопухина. [Электронный ресурс]. URL: <http://bible.in.ua/underl/Lop/index.htm> (дата обращения 30.07.2011).
14. Феофилакт Болгарский, блаженный. [Электронный ресурс] // Православная электронная библиотека. Православие и мир: [сайт]. [2011]. URL: <http://lib.pravmir.ru/> (дата обращения 30.07.2011).
15. Gary-Prieur M.-N. Grammaire du nom propre. Paris: P.U.F., 1994. 252 p.
16. Gouvard J.M. Poétique des noms propres // Studia Univ. Babeş-Bolyai. Philologia. Cluj-Napoca, 2002. Anul 47. № ¾. P. 75-95.
17. La Bible de Jérusalem. «La Sainte Bible, traduite en français sous la direction de l'École biblique de Jérusalem». Paris: Les Éditions du Cerf, 2000. 2557 p.
18. Noailly M. L'énigmatique Tombouctou: nom propre et position de l'épithète // Langue Française, 1991. № 92. P. 104-113.